

Что происходит?

Ошеломлённый Линь Го взглянул вниз. Фух, на нём всё же была одежда. Халат, но всё же не голый.

Погодите-ка. Линь Го пошевелил ногами. Это ощущение... Он провёл рукой по себе. Где мои трусы?!

Сон как рукой сняло. Он нахмурился, глядя на лицо Гу Чанъаня, и осторожно потрогал свою задницу.

Э-э, не больно. Ничего не чувствую. И тело не болит.

Тогда почему я здесь? И в одной кровати с ним? И главное — где мои трусы!

Линь Го напряг память, пытаясь восстановить вчерашний вечер. Сначала все ужинали. Потом Гу Даг (Большая Собака) поменялся местами с Лу Чэнем и перестал с ним разговаривать. Потом он выпил немного...

И что потом?

Вспомнилось только, как Гу Чанъань вёл его по улице. Видимо, стало слишком поздно, поэтому он привёл его сюда переночевать.

А потом?

Он схватился за голову. Ах да, он меня мыл. Я что-нибудь лишнее сказал?..

«Я люблю тебя. Тебе не противно, что тебя любит парень?..»

«Я люблю тебя. Боялся сказать... Ты бы счёл меня извращенцем и бросил...»

Линь Го закрыл лицо руками. Боже правый, что я наговорил... И ещё расстроился, дуралей. Лучше бы молния в меня ударила...

Почувствовав движение, Гу Чанъань обнял его, прижавшись лицом к его волосам.

Линь Го замер. Шевелиться?

Он осторожно пошевелился. Гу Даг не среагировал.

Он легонько ткнул его в живот. Всё равно никакой реакции.

Линь Го затих, прижавшись к его груди. Внутри всё сжалось от волнения. Разве не об этом он всегда мечтал — быть так близко? Медленно, почти не дыша, он обнял Гу Чанъаня и украдкой поцеловал в грудь.

Прошло, наверное, много времени. Линь Го уже начал дремать, как вдруг почувствовал, как Гу Чанъань осторожно поднимается.

Только услышав звук воды в ванной, он сел на кровати.

Он взял со стула свою одежду и начал одеваться.

— Проснулся, Го?

— Угу, — кивнул Линь Го, не глядя на него.

— Хорошо поспал?

— Да. Вчера спасибо, что помог.

— Пустяки, — Гу Чанъань взял его за запястье. — Не спеши. Бай Нянцзы уже попросил для тебя отгул.

— Хорошо, — Линь Го выдернул руку и повернулся, застёгивая пуговицы.

Гу Чанъань обнял его сзади. «Соберись, ты же мужчина», — мысленно подбодрил он себя. Он почувствовал, как тело Линь Го слегка напряглось, а руки замерли.

Гу Чанъань приложился щекой к его плечу:

— Го, у меня для тебя подарок есть.

— Какой?

— Не скажу. Дома отдам. — Гу Чанъань обнял его крепче и тайком вдохнул запах волос. Ах, как хорошо пахнет.

— Ладно, — Линь Го похлопал его по руке. — Отпусти уже.

— Сейчас, — Гу Чанъань не ослаблял объятий. — Ты вчера сказал, что любишь меня.

— Ты... — Дыхание Линь Го сперлось. — Наверное, ослышался...

— Я отчётливо слышал. Ты сказал, что любишь меня.

Гу Чанъань прижался к нему так близко, что тёплое дыхание касалось уха Линь Го, вызывая мурашки.

— Наверное, я был пьян. Не помню.

— Так я и думал, что ты так скажешь, — произнёс Гу Чанъань. — А помнишь, что я ответил?

— Нет.

— Я сказал, — Гу Чанъань коснулся губами его уха, — что я тоже тебя люблю.

Линь Го резко вдохнул. Он вырвался из объятий, развернулся и уставился прямо в глаза Гу Чанъаню:

— Что ты сказал?

Он вглядывался в его лицо, ища следы насмешки или подвоха. Но Гу Чанъань лишь улыбался — мягко, нежно, без тени фальши.

— Го, я сказал, что тоже тебя люблю. Я люблю тебя.

Сердце Линь Го замерло на секунду, а затем заколотилось с такой силой, что, казалось,

вырвется из груди. Это и есть то самое «олень бежит»? Он отвел взгляд, не в силах вымолвить ни слова.

Нет, надо взять паузу.

Гу Чанъань протянул руку и застегнул верхнюю пуговицу на его рубашке. Затем взял его лицо в ладони, заставив встретиться взглядами, нежно поцеловал в лоб и, наконец, прикоснулся лбом к его лбу, нос к носу.

— Го, будь со мной. Хорошо?

Линь Го дрожащей рукой сжал его пальцы:

— Повтори...

— Го, можно мне быть с тобой?

Линь Го молчал.

Нет, паузы не будет.

— Го, давай встречаться.

Слово «да» уже рвалось наружу, словно резвая птичка, но он стиснул зубы и прикусил нижнюю губу.

— Подожди... Пока не сдашь английский на пятьсот баллов.

Линь Го вырвал свою руку, схватил куртку и выбежал из комнаты.

Гу Чанъань потер лоб, сидя на кровати и глядя на захлопнувшуюся дверь.

Каково это — когда человек, которого ты любишь, в самый ответственный момент начинает читать лекцию об учёбе?

И каково это — когда во время твоего искреннего признания в любви он ставит условием сдачу экзамена на пятьсот баллов?

— Ну и ну, вот это поворот, — сказал Ху Юй, развалившись на стуле и щёлкая семечки, явно сочувствуя Гу Чанъаню.

Е Цин отхлебнул минералки:

— Да брось ты. А что он мог сделать? Прижать Линь Го к стене и заставить немедленно согласиться? Все и так всё понимают. Формальности ни к чему.

Ху Юй ткнул пальцем в пакет с колой:

— Ты же сам попросил Лао Гу купить колу. Купил — а ты воду пьёшь. Какая привычка?

— Внезапно вспомнил, что кола, вроде, сперматозоиды убивает, — почесал нос Е Цин.

Ху Юй возмутился:

— Совести у тебя ни капли! Если убивает, зачем Лао Гу оставлять?

— А что? Ему с Линь Го они ещё пригодятся?

— Бесстыжий! — Ху Юй поперхнулся семечкой. — Услышит — так прильёт, что ты до конца дней своих о них и не вспомнишь.

— Сам бы совесть имел, — фыркнул Е Цин. — Я же истинный Купидон, скрепивший их союз. Он меня пальцем тронуть не посмеет. Ты бы хоть шелуху убирал, щёлкаешь, как бабка на завалинке.

— Ого, барин, — язвительно протянул Ху Юй. — А ты, оказывается, в народных традициях шарись. Я-то думал, вы, аристократы, семечек не щёлкаете, только в сериалах такое видали.

Е Цин с брезгливым видом швырнул Ху Юю две салфетки, веля убрать за собой:

— У нас в аристократических семьях семечек не щёлкают. Я по телевизору видел, как это делается.

Гу Чанъань, только что вернувшийся после вручения подарка, застал картину: Ху Юй, устроившись на кровати, щёлкает семечки точь-в-точь как деревенская бабка, ждущая мужа с покоса.

— Ну как, понравилось? — с энтузиазмом спросил Ху Юй, отшвырнув семечки.

— Думаю, да, — Гу Чанъань сделал большой глоток колы. — Но всё равно влетело.

— За что?

— Говорит, транжира я, деньги на ветер пускаю, — Гу Чанъань поставил бутылку и, передразнивая Линь Го, ухватил Ху Юя за ухо:

— Зачем такую дорогую вещь купил? Самому что, есть нечего? Лучше бы себе одежду прикупил или в кафе лишний раз посидел. А можно её вернуть? Верни-ка её обратно.

Е Цин прервал выступление великого актёра:

— И что ты ответил?

— Ничего.

— Вообще ничего?

— Ага. Разве не ты говорил, что действия говорят громче слов?

— И?

— Хе-хе, — Гу Чанъань смущённо потер руки и поцеловал свой собственный тыл ладони. — После этого он замолчал, а я и ушёл.

— Да иди ты, иди! — скрежетал зубами Ху Юй. — Наш дом тебе больше не друг. Знай я, что ты такой хвастун, который любое слово в повод для слащавостей превратит, ни за что бы не стал помогать.

Гу Чанъань махнул рукой:

— Да какие там слащавости. Мы же ещё официально не вместе.

<http://bllate.org/book/16270/1464257>